

чёркнуть национальную исключительность русского народа. В отличие от Достоевского Белинский, анализируя путь прогрессивного развития народа, делал акцент не на национальной принадлежности элементов, проникающих в русскую культуру, а на их гуманистической сущности: «... пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что оно человеческое, и, на этом основании, все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергией, как и все азиатское, в чем нет человеческого» (Х, 19).

Известно, что Достоевский не принял революционную программу Белинского. Автор «Бедных людей», «Двойника», «Хозяйки» занимал особое место среди писателей гоголевского направления, и его художественные поиски не всегда укладывались в рамки эстетической программы натуральной школы. Тем не менее полемика Достоевского с некоторыми концепциями книги Кюстина «Россия в 1839» была одним из эпизодов сложной общественно-политической борьбы того времени, в которой автор «Петербургской летописи» принял участие как соратник Белинского.

И. Г. ЯМПОЛЬСКИЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Н. Г. ПОМЯЛОВСКИЙ (К статье Л. М. Лотман)

Ф. М. Достоевский, познакомившийся с Н. Г. Помяловским в 1861 г., очень тепло и с большим интересом отнесся к нему. В 1862 г. в журнале «Время» были опубликованы первые два из очерков бурсы: «Зимний вечер в бурсе» и «Бурсацкие типы». Помяловский бывал у Достоевского. Однако знакомство продолжалось недолго. Осеню того же года, когда Достоевский в программном объявлении о подписке на «Время» резко отозвался о демократическом лагере русской журналистики во главе с «Современником», Помяловский порвал с ним.

Но и после этого личность и творчество Помяловского, по-видимому, привлекали пристальное внимание Достоевского. Это хорошо показано в статье Л. М. Лотман «Достоевский и Н. Г. Помяловский», напечатанной в сборнике «Достоевский и его время» (Л., «Наука». 1971). Она видит внутреннее родство замысла романа Достоевского «Пьянецы», который затем трансформировался в «Преступление и наказание», с незавершенным романом Помяловского «Брат и сестра» в характере изображения ужасов современной социальной действительности. Л. М. Лотман не без оснований предполагает, что самая личность Помяловского могла отразиться в отдельных местах «Преступления и наказания». Наконец, она отмечает сходство одного из центральных эпизодов

повести Помяловского «Молотов» — спора друзей и вместе с тем антиподов Череванина и Молотова в ресторане — с разговорами Раскольникова с Мармеладовым и Свидригайловым в трактире и, особенно, с беседой в трактире Ивана и Алеши Карамазовых. В ней Л. М. Лотман усматривает, при всех различиях, отолоски литературной ситуации и характера словесного поединка в «Молотове». В статье имеются указания и на аналогичные наблюдения Р. Г. Назирова (в том же сборнике) и Ф. И. Евнина (в сборнике «Творчество Достоевского» — М., Изд-во АН СССР, 1959).

К этим наблюдениям можно прибавить еще один небезынтересный, на мой взгляд, факт.

В повести «Молотов» есть такая сцена.¹ Молотов приходит к художнику Череванину, человеку скептического склада, во многом изверившемуся, по мнению Горького — «гораздо более „совершенному“ нигилисту, чем Базаров».² У него собралась пьяная компания, «человек двенадцать, все почти молодежь», которая, по ироническим словам хозяина, «современные вопросы» решает. Гости выкрикивают бессвязные фразы об Англии и Германии, о Гегеле, прогрессе, мужике и т. д. Череванин понимает, что «это люди подражательные, юноши без всякого содержания», они всегда находятся «под влиянием последней прочитанной статейки» и «всегда с чужого голоса поют». Череванин уводит Молотова, и затем происходит серьезный и напряженный разговор в ресторане, о котором упоминалось выше.

А в седьмой главе второй части «Преступления и наказания» описано посещение Раскольниковым Разумихина. У Разумихина человек пятнадцать гостей. Они едят и пьют. Слышатся крики и споры. Разумихин оставляет их и уходит с Раскольниковым. При этом Разумихин говорит: «... черт с ними со всеми! Им теперь не до меня, да и мне надо освежиться <...> еще две минуты, и я бы там подрался, ей-богу! Врут такую дичь...» (6, 148).

Череванин говорит о своих гостях: «Предложи любому чин регистратора, сейчас и убеждения по боку». Разумихин отзывается о них в том же духе, но менее определенно: «Да пусть врут: зато потом врать не будут».

У обоих звучат и самокритические нотки. Череванин: «А я, может быть, еще хуже их. Эх, Егор Иваныч, пойдем отсюда вон... Опротивело». Разумихин: «Ты представить себе не можешь, до какой степени может изовратиться, наконец, человек! Впрочем, как не представить? Мы-то сами разве не врем?»

И еще одна совсем мелкая деталь. Уходя, Череванин, оставляет с гостями старика-художника. В ответ на слова Молотова «Как же гости?» он говорит: «Вон там старичок есть, распоря-

¹ Помяловский Н. Г. Сочинения. М.—Л., Гослитиздат, 1951, с. 191—199.

² М. Горький. Беседы о ремесле. В кн.: Горький М. Собрание сочинений, т. 25. М., Гослитиздат, 1953, с. 346.

дится». Разумихин оставляет с ними дядю: «...это драгоценнейший человек; жаль, что ты не можешь теперь познакомиться».

В идейной концепции «Молотова» и «Преступления и наказания» эти сцены не равнозначны; но сходство их все же очевидно.

Вероятно, мы имеем дело с прямым отражением запомнившейся сцены из повести Помяловского. Но дело не только в этом. Самая идейная атмосфера, самый воздух эпохи определяли подобные совпадения.

Р. Г. НАЗИРОВ

О ПРОТОТИПАХ НЕКОТОРЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ ДОСТОЕВСКОГО

Литературная наука давно прошла ту стадию, на которой прототипам придавалось чрезмерное, чуть ли не решающее значение при исследовании художественных произведений. Но было бы неверным совсем отказаться от изучения прототипов, если и понимать их не как первооснову образов, а как «толчок» к работе творческой фантазии и материал для свободной разработки образов. Особенно важно оно, когда речь идет о творчестве Достоевского: изучение его записных тетрадей и дефинитивных текстов показывает, что Достоевский при создании многих характеров в своих романах отправляется от действительных событий и реально существовавших лиц. Однако писатель очень далеко уходил от них. Насколько свободно он обращался с историями из жизни, мы пытались показать в статье «Герои романа „Идиот“ и их прототипы»,¹ где было сформулировано и наше понимание условности термина «прототип» применительно к творчеству Достоевского.

В настоящей статье предпринимается попытка проследить разнообразие, сложность и противоречивость характеросложения у Достоевского на примере нескольких различных персонажей его романов.

1. Император-театрал

В одной из рабочих тетрадей Достоевского читаем: «Сабуров и Андриянова. Украл 300 000 без всякого чувства дворянской чести» (курсив Достоевского).² Шестью страницами далее одноко стоит фамилия «Сабуров». В комментарии Г. М. Фридлендер высказывает предположение: «Вероятно, имеется в виду Андрей Александрович Сабуров (1837—1916), статс-секретарь, впоследствии член Государственного совета».³ Однако к статс-секретарю Сабурову никакая Андриянова отношения не имела.

¹ «Русская литература», 1970, № 2, с. 114—122.

² Литературное наследство, т. 83. М., 1971, с. 380.

³ Там же, с. 481.